

Андрей Чернов

**Притяжение Донбасса: Очерки
о писателях шахтерского края**

«ПЦ Александра Гриценко»

2016

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос=Рус)

Чернов А. А.

Притяжение Донбасса: Очерки о писателях шахтерского края /
А. А. Чернов — «ПЦ Александра Гриценко», 2016 — (Международный
фестиваль Бориса и Глеба)

В книге донбасского литературоведа рассказывается о писателях Донбасса
– от начала XIX до конца XX вв. Очерки написаны в художественном стиле и
рассчитаны на широкий круг читателей.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос=Рус)

© Чернов А. А., 2016
© ПЦ Александра Гриценко, 2016

Содержание

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу	6
Об авторе:	7
Напутные строки	8
Кольцов на Луганщине	9
Чехов на луганской земле	12
Луганский парижанин Владимир Смоленский	16
Уездный город	17
Русский Монпарнас	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Чернов
Притяжение Донбасса: Очерки
о писателях шахтерского края

© Андрей Чернов, 2016

© Интернациональный Союз писателей, 2016

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии страстотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровью своими, яко багряницею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудьте и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием диявола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христолюбивии страстотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплемennых, междоусобных брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

Об авторе:

Чернов Андрей Алексеевич – литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Окончил Луганский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Публикуется с 2004 года. Историк литературы Донбасса. Очерки и статьи публиковались в различных изданиях Луганска, Москвы, Перми, Санкт-Петербурга, Кемерово, Киева. Участник I-го Международного совещания молодых писателей (Перedelкино, 2011) и Всероссийского совещания писателей, пишущих о войне (Перedelкино, 2015). Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия» (2015). Зам. главного редактора литературно-художественного альманаха «Крылья» (Луганск). Один из основателей Луганского клуба фантастики «Лугоземье» (2009). Член Межрегионального союза писателей Украины с 2010 года. С 2014 года – секретарь правления Союза писателей Луганской Народной Республики. В 2016 году стал членом Интернационального союза писателей. Живёт и работает в Луганске.

Напутные строки

В книге, которую вы держите в руках, собраны очерки о писателях Донбасса. Кто-то из этих писателей бывал в Донбассе лишь проездом, кто-то – жил и работал здесь. Но все они ощутили притяжение этой замечательной, могучей земли. Все они воспели в своих произведениях донецкие степи, холмы и овраги, простых людей этой трудолюбивого края.

К сожалению, сегодня литература Донбасса остаётся практически не изученной. Нет никаких обобщающих трудов, которые бы отобразили литературную историю края во всей полноте. Существуют статьи и книги об отдельных персоналиях литературного процесса Донбасса, но даже они остаются известными лишь узкому кругу литературоведов и краеведов. Целостной картины литературной жизни Донбасса нет до сих пор и, думаю, к этому ещё долго идти многим исследователям.

Не стоит воспринимать эту книгу как что-то претендующее на полноту охвата истории литературы шахтерского края. Здесь лишь несколько кусочков смальты из той грандиозной, обширной мозаики, которая представляет собою сложную картину литературы Донбасса. Думаю, что в будущем история литературы этого края найдет отражение в литературном музее Донбасса. Я уверен, что такой музей очень нужен, и он рано или поздно появится.

Исторически сложилось так, что экономическая мощь, промышленный гигантизм Донбасса заслоняли собою культурную жизнь огромного и густозаселённого края. Сводки о добытом угле, плавках, объемах выпущенной кальцинированной соды и секциях тепловозов не давали пробиться сквозь себя строчкам донбасских поэтов, прозаиков, драматургов, мыслителей. Такова участь была и у многих музыкантов, художников, артистов.

В силу устоявшихся традиций в Донбассе, когда население края часто обновлялось, был значительный приток мигрантов и переселенцев, Донбасс стал своеобразной землёй беспамятства. Думаю, что трагедия Донбасса 2014 года во многом проистекла из этого. Не только в плавках и секциях тепловозов счастье. Многое ведь сокрыто в наших сердцах. То, что не увидишь глазами, но то, что обязательно увидит сердце. «Зорко лишь сердце», – учит нас Маленький принц Экзюпери. Думаю, нужно помнить об этом.

Ведь если бы это учли, никакая геббельсовская пропаганда украинских и европейских СМИ не смогла бы очернить Донбасс в глазах многих донбассовцев. Но, слава Богу, большинство жителей Донбасса сохранили свою любовь к родному краю. Я знаю, как важно им сейчас заполнить пробелы в познании истории и культуры Донбасса.

Донбасс – богатый край степей и лесов, глубокой сини небес, золотых сердцем людей. Он был воспет на многих языках народов, нашедших здесь себе дом. Но всё же Донбасс был прежде всего воспет на русском языке – языке могучего свободолюбивого народа. И несмотря на многонациональность, Донбасс всегда был и остаётся русским краем.

Я надеюсь, что эта книга хотя бы немного приоткроет тяжёлый полог тайны, за которым скрывается литературный облик Донбасса. И вы ощутите силу притяжения Донбасса.

Андрей Чернов

Кольцов на Луганщине

Знаменитый русский поэт Алексей Кольцов, внёсший значительный вклад в развитие русской песенной традиции, неоднократно посещал обширный Новороссийский край. Довелось ему побывать и в Донбассе. Просторам, людям труда юга Российской Империи посвящены многие стихотворения Алексея Кольцова. Есть среди этих стихотворений и написанные на Луганщине, подтверждающие многовековую культурную связь Луганской земли с матерью-Россией.

Сила природы поистине огромна. И человечество так же подвластно проявлениям природной мощи, как животные и растения. Вот и тянутся люди из городских в лесные чащи, на берег реки или моря, будто возвращаются к чему-то родному, давно-давно дававшему жизнь человечеству. И силу эту не измерить и не осознать, можно лишь почувствовать её и принять. От силы природной всходят зёрна, дающие нам хлеб насущный. От этой же силы пробуждается в душах человеческих что-то дремавшее, и всходят в человеке иные ростки, приносящие плоды нетленные, духовные. Помните пушкинское: «И пробуждается поэзия во мне...»?

Есть в русской литературе поэт, в котором природа совершенно неожиданным образом пробудила ростки творчества. Таков Алексей Васильевич Кольцов – поэт природной стихии, народный самородок, которого некоторые литературоведы называли «вторым Ломоносовым». Его жизнь – яркое свидетельство стихийно сложившегося в провинции художника, великого русского поэта, тяготившегося мещанской несвободой провинциального Воронежа. Дар победил и косность среды, и отсутствие образования, и само время. Стихотворения Кольцова и ныне звучат, положенные на музыку Мусоргского, Римского-Корсакова, Рубинштейна, Даргомыжского, Глазунова и многих других композиторов.

В воспоминаниях писательницы Авдотьи Панаевой можно найти описание первого пробуждения вдохновения у Кольцова: «Раз Кольцов пил у нас чай; кроме него, были только Белинский и Катков. Кольцов был очень разговорчив и, между прочим, рассказывал, как первый раз сочинил стихи. «Я ночевал с гуртом отца в степи, ночь была тёмная-претёмная и такая тишина, что слышался шелест травы, небо надо мною было тоже тёмное, высокое, с яркими мигающими звёздами. Мне не спалось, я лежал и смотрел на небо. Вдруг у меня стали в голове слагаться стихи; до этого у меня постоянно вертелись отрывочные без связи рифмы, а тут приняли определённую форму. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии; чтобы удостовериться, что это не сон, я прочёл свои стихи вслух. Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам». Сейчас сложно сказать, когда произошло это удивительное открытие Кольцова – осознание себя поэтом. Первым стихотворением поэта считаются «Три видения», написанные Кольцовым в 1825 году, когда поэту было шестнадцать лет. Это стихотворение не сохранилось.

Алексей Кольцов (родился 15 октября 1809 года) – единственный сын воронежского купца Василия Кольцова, занимавшегося прасольством, с отрочества приобщался к делу отца, как сейчас бы сказали, семейному бизнесу. В XXI веке нужно давать объяснение, кто такой прасол – это русское слово вышло из употребления, хотя и сохранилось в видоизменённом виде в некоторых фамилиях (увы, многие современные «Прасоловы» не могут объяснить значения своей фамилии!). Прасол – торговец скотом, занимавшийся скупкой, забоем и продажей крупного и мелкого скота. Особенностью прасольства являлась необходимость совершать поездки, иногда длившиеся несколько месяцев, на большие расстояния. В начале XIX века Воронежская губерния являлась одним из крупнейших прасольских центров России. Среди значительных прасолов Воронежа числился и отец Алексея Кольцова.

Василий Петрович Кольцов считал, что его сыну не нужно образование. Зачем утруждать учением многих предметов, если в жизни это не пригодится? Вот и сын Алексей Коль-

цов, научившись читать, писать и считать, по мнению отца, должен был приобщаться к практической деятельности, уготованной ему вместе с наследством. Сложно упрекнуть отца Кольцова в том, что он отнял у сына образование. Если бы не этот шаг, Кольцов бы не получил живые впечатления от соприкосновения с огромной русской степью, с народами, населяющими её, с удивительной силой природы, пробудившей в нём вдохновение. Виссарион Белинский называл степь первой «школой жизни» для Кольцова.

Великий русский критик Белинский, позже ставший одним из ближайших друзей Кольцова, так охарактеризовал роль степи для молодого Кольцова: «...Его юной душе полюблилось широкое раздолье степи. Не будучи ещё в состоянии понять и оценить торговой деятельности, кипевшей на этой степи, он тем лучше понял и оценил степь, и полюбил её страстно и восторженно, полюбил её как друга, как любовницу... Почти во всех его стихотворениях, в которых степь даже и не играет никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и в колорите и в тоне. Читая их, невольно вспоминаешь, что их автор – сын степи, что степь воспитала его и взлелеяла».

С 1820-го года (Алексею Кольцову всего лишь 11 лет!) будущий поэт сопровождает отца в деловых поездках, учится видеть степь, слышит напевные русские и украинские песни. С 1825-го юноша начинает писать стихи. Пока это только пробы, но в них разворачивается русская напевность, то, что через несколько десятилетий назовут «русской песней». Многие в этих первых пробах взято из народных песен, многое подслушано, подсмотрено в книгах, случайно попадающих ему в руки. С 1829 года поэт входит в литературный кружок воронежских семинаристов, бывший в то время объединением всех любителей словесности в Воронеже. Благодаря знакомству с одним из участников кружка, В. И. Сухачевым, в 1830 году появляется первая публикация стихотворений А. Кольцова, правда, пока анонимная, без подписи (это было повсеместным явлением в русской литературе начала XIX века).

В 1830 году Кольцов много пишет, это время ученичества, поиска себя. Сохранилось множество стихотворений Кольцова, датированных этим годом, годом первой публикации молодого поэта (ему 20 лет). Среди этих стихотворений есть цикл, написанный на территории современной Луганщины. К сожалению, сохранилось очень мало свидетельств его поездок на юг от Воронежа. Поездки же в Старобельский и Славяносербский уезды известны лишь по циклу стихотворений, отмеченных авторской пометкой, указывающей на место написания данных стихотворений.

В Старобельске Кольцов оказывается, скорее всего, по делам отца – Старобельск в XIX веке был крупным торговым центром, в котором проводились четыре ежегодные ярмарки. Сохранилась статистика, согласно которой на этих ярмарках продавалось до 2 тыс. голов крупного рогатого скота, 25 тыс. овец и до 1 тыс. лошадей. Такой крупный скотопромышленный центр, вероятно, посещался Кольцовыми неоднократно. Однако лишь 1830 год сохранил документальные свидетельства того, что Алексей Кольцов был в Старобельске.

20 августа 1830 года отмечены два стихотворения, написанные в Старобельске: «Вечер» и «Земное счастье». Эти стихотворения наполнены философскими размышлениями лирического героя. Образы природы здесь чередуются с размышлениями «О смерти, вечности, о жизни...» («Вечер»). В стихотворении «Земное счастье», в котором ощущается переключка с думой Рылеева «Волынский», лирический герой размышляет о преходящем и вечном, также не минуя тему смерти. Что это? Дань романтизму?

Вовсе нет. В стихотворениях – отражение реальной, а не призрачной смерти. 1830 год – год распространения холеры в России, в отдельных регионах (например, Старая Руса) вспыхнули холерные бунты, повлёкшие за собой убийства. Эпидемия заставляла видеть жизнь и смерть как очень близкие, с тонкой гранью, категории. Тонко воспринимающий мир поэт не мог этого не заметить. Вспомним, что 1830 год – это год «Болдинской осени» Пушкина, также ощутившего всю зыбкость человеческого бытия.

Русские и украинские песни, живое общение с новыми людьми, веселье и деловой торг – так встретила старобельская ярмарка молодого Кольцова. И над всем этим – тревожные слухи о невиданном бедствии – холере. Холера не охватила Старобельский и Славяносербский уезды (не были расставлены правительственные карантинные пункты), но Кольцов, безусловно, получал сведения об охваченных холерой регионах России от крестьян, купцов или чиновников. Для воображения поэта этого было достаточно. А слухи были тревожные. Так, к примеру, народ был убеждён, что врачи, чиновники и помещики намеренно отравляют колодцы и родники, намеренно губят людей. В. Кораблинов, автор биографического романа «Жизнь Кольцова», ввёл в роман эпизод, когда Кольцов становится свидетелем расправы крестьян над помещиком Славяносербского уезда Свентицким. Сложно установить, имел ли этот эпизод историческую основу или это лишь художественный вымысел, но дух времени он передаёт точно.

Из Старобельска Кольцов отправляется, очевидно, на юг. Степные просторы Старобельщины, и ныне радующие наш глаз, не оставляли безучастным молодого поэта. Степь, так любимая Алексеем Кольцовым, предстала перед ним во всю свою ширь. Красота природы просила отклик – стихотворения. 21 августа отмечено стихотворение «Первая любовь» (в рукописи – «Любовь души»), написанное, как следует из авторской подписи, «близ Мур-могилы». Сейчас, пожалуй, лишь местные знатоки окрестностей Старобельска могут установить современное название этого топонима (возможно, курган). «Первая любовь» проникнута тоской по утерянной безвозвратно любимой. Это стихотворение посвящено возлюбленной Кольцова – крепостной девушке Дуняше, с которой он был разлучен насильно. В стихотворении не упоминается смерть, но некоторые метафоры явно ассоциируются с обращением лирического героя к умершей возлюбленной. Этой же теме посвящено стихотворение «Мука», написанное 27 августа в Кирчинской слободе. Увы, современные карты и справочники по истории Луганской земли не раскрывают нам местонахождение этой слободы.

Теме внезапных утрат и жизненных поворотов посвящено стихотворение «Сирота» («Когда мне шёл двадцатый год...»), написанное 4 сентября возле неизвестного ныне Кокенского поля. Стихотворение построено в виде монолога лирического героя, повествующего о внезапных утратах благополучия и семьи. Кокенское поле, скорее всего, должно находиться недалеко от Славяносербска, потому как следующее стихотворение «Песня» («На что ты, сердце нежное...»), помечено «Близ Славяносербска. 5 сентября 1830».

Указанные Кольцовым в подписях к своим стихотворениям топонимы могут быть искаженными, местными вариантами названий каких-либо объектов. Например, в 1830 году (но без указания числа и месяца) А. Кольцовым написано стихотворение «К реке Гайдаре». Сейчас напрасно искать на картах России или Луганской Республики реку с таким названием – такой реки попросту нет. Гайдарь – одно из старинных названий хорошо известной жителям нашей Республики реки Айдар. Возможно, это поэтическое обращение к Айдару написано Кольцовым во время его поездки в августе-сентябре 1830 году.

Стихотворения Алексея Кольцова, написанные им во время посещения Старобельского и Славяносербского уездов в 1830 году, являются, пожалуй, одним из первых достоверных литературных памятников, отобразивших природу современной Луганской Республики.

Чехов на луганской земле

Имя Антона Павловича Чехова тесным образом связано с Донбассом. Настолько тесно, что, пожалуй, приходится удивляться, почему в Донбассе до сих пор не открыт музей или хотя бы памятник великому русскому писателю.

Посещение Чеховым донецкой земли достаточно примечательно и заслуживает внимания.

Увы, пока не удалось установить год первой поездки Чехова в Донбасс. Известно, что Антон Чехов посещал имение Кравцовых ещё в то время, когда сам не окончил гимназии. Наиболее задокументировано пребывание Чехова в Донбассе весной 1887 года.

Весной 1887 года Чехов совершил поездку на юг России. Писателю было 27 лет. На юг Чехов поехал прежде всего для того, чтобы навестить родственников в Таганроге. В апреле-мае 1887 года А. П. Чехов побывал не только в Таганроге, но и во многих городках и селах Донбасса и Донщины. Эта поездка необыкновенно обогатила писателя, дав ценнейший материал, отраженный впоследствии во многих произведениях. Но очень многое о поездке А. П. Чехова на юг можно почерпнуть из его писем. Эпистолярное наследие Чехова привлекает к себе внимание не меньше, чем его проза. В своих письмах Чехов предстаёт наблюдательным и мыслящим человеком с необыкновенным чувством юмора. Некоторые письма его сопровождаются небольшими рисунками.

В Таганрог Чехов приезжает в начале апреля 1887 года. После долголетнего отсутствия Чехова с большим радушием встречают родные, он посещает своих друзей и старых знакомых. Его встречают не просто как земляка, уехавшего учиться в Москву, а, по меркам провинциального городка, как столичную знаменитость – Чехов известен многим как постоянный автор юмористических журналов и газет. К тому же, знакомые писателя знали из его писем о выходе сборников рассказов Чехова-Чехонте «Сказки Мельпомены» (1884), «Пёстрые рассказы» (1886), «Невинные речи» (1887). Готовился к изданию сборник «В сумерках» (август 1887 года). Да, приезд Антона Чехова в родной Таганрог стал событием, привлёкшим внимание многих друзей и знакомых всей чеховской семьи. Он разъезжает по окрестностям, любит цветущим югом. В одну из этих поездок Чехов оказывается в Луганске. Сохранилась открытка Чехова, адресованная его брату Александру, написанная, судя по штемпелю, 20 апреля 1887 года между Луганском и Краматорском.

О большом внимании обывателей Таганрогского округа к Чехову свидетельствует, между прочим, и такой любопытный факт: писателя пригласили шафером на казачью свадьбу (невеста – сестра врача И. В. Еремеева), да и не в Таганроге, а в Новочеркасске. Сам Антон Павлович отнёсся к этому с присущим ему юмором: «Я шаферствовал в чужой фрячной паре, в широчайших штанах и без одной запонки, – в Москве такому шаферу дали бы по шее, но здесь я был эффектнее всех» (письмо сестре М. П. Чеховой, 25 апреля 1887).

Из Новочеркасска Чехов отправляется гостить к своему другу, мелкому землевладельцу Петру Гавриловичу Кравцову (будущий писатель в 1877 году готовил Петра Кравцова к поступлению в юнкерское училище). Это не первая поездка Чехова в Рагозину Балку. Брат писателя М. П. Чехов в своих воспоминаниях отмечал, что Антон ещё гимназистом посещал хутор Кравцовых. Чехов переписывался с П. Г. Кравцовым, но, увы, переписка сохранилась не полностью. Имение Кравцовых Рагозина Балка было расположено в Таганрогском округе Области Войска Донского, недалеко (23 версты) от села (местечка) Ивановка (ныне это Антрацитовский район Луганской Народной Республики, село Ивановка). В Ивановку Чехов ездил из Рагозиной Балки за почтой.

Долгое время местонахождение Рагозиной Балки было неизвестным, несмотря на усилия многих чеховедов раскрыть эту тайну. Донецкий литературовед Алексей Ионов устано-

вил лишь приблизительное нахождение Рагозиной Балки, что и было им описано в замечательном очерке «В поисках Рагозиной балки (по чеховским местам)». Луганские краеведы также усердно исследовали этот вопрос, но, увы, однозначно установить нахождение хутора Кравцовых не удалось.

Однако, на основе долголетнего поиска Рагозиной Балки краевед из Антрацитовского района Константин Жолос, ссылаясь на местных жителей, установил предположительное местонахождение хутора Кравцовых недалеко от Боково-Платова, в Калмыцкой балке, действительно поросшей байрачным лесом. Им был обнаружен фундамент разрушенной усадьбы, но уверенности в том, что это остатки усадьбы Кравцовых нет. В советское время там были установлены мемориальные доски и памятные знаки. К сожалению, до наших дней они не дошли.

Наверно, читателям не совсем понятно, почему столько литературоведов внимание обращают на Рагозину Балку? Дело в том, что и сам хутор Кравцовых, и его обитатели, и живописные местности вокруг были описаны Чеховым в рассказах «Счастье», «Огни», «Печенег», повести «Степь».

В письме к своей сестре Марии от 30 апреля 1887 года Чехов даёт такое описание хутора Кравцовых: «Живу в Рагозиной Балке у Кравцова. Маленький домишко с соломенной крышей и сарай, сделанные из плоского камня. Три комнаты с глиняными полами, кривыми потолками и с окнами, отворяющимися снизу вверх... Стены увешаны ружьями, пистолетами, шашками и нагайками. Комоды, подоконники – всё завалено патронами, инструментами для починки ружей, жестянками с порохом и мешочками с дробью. Мебель хромая и облупившаяся. Спать мне приходится на чахоточном диване, очень жестком и необитом. Сортиров, пепельниц и прочих комфорта нет за 10 вёрст в окружности». Как видим, писатель прежде всего акцентирует внимание на отсутствии комфорта (в представлении человека, привыкшего к большим удобствам Москвы). В этом же письме Чехов отмечает, что чувствует себя среди обитателей хутора «чем-то вроде Миклухи-Маклая».

Видно – и быт, и деревенские порядки хуторян отталкивают чеховскую натуру. Зато он с большим восторгом пишет о природе, окружающей Рагозину Балку, в этом же письме сестре находим: «Что у нас тут роскошно, так это горы». Эту лаконичную характеристику Чехов иллюстрирует собственным рисунком, показывающим расположение дома Кравцовых в рельефе. В этом же письме мы найдём и такую скупую строчку: «Вчера ночью была очень красивая гроза». Видно, писатель находился под большим впечатлением от увиденного. Если бы Чехов не придавал значения красоте природы и широте стихий в степи, он бы не сделал никакой путевой записи. Через несколько месяцев, в повести «Степь» Чехов нарисует развёрнутую картину Донецкой возвышенности: «Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливались в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали...» Да, всё увиденное Антоном Чеховым в Рагозиной Балке и её окрестностях отобразится в его прозе. И описание «красивой грозы», степных пейзажей мы найдём в его повести «Степь», которую писатель начнёт писать лишь в январе 1888 года – для всех впечатлений от южной поездки нужно было время. А дивные «роскошные» горы Нагольного кряжа (самая высокая часть Донецкой возвышенности) будут отражены в прекрасном рассказе «Счастье».

Первого мая написано короткое письмо двоюродному брату Г. М. Чехову в Таганрог. На письме почтовый штемпель Луганска. Можно предположить, что Чехов из Рагозиной Балки совершил поездку в главный город Славяносербского уезда. Во всяком случае, в знаменитой чеховской повести «Степь» мы находим упоминания Славяносербска и Луганского завода – старого названия посёлка на Лугани. Название «Луганск» могло ещё не закрепиться в сознании окрестных жителей, поскольку было дано посёлку вместе со статусом города в

1882 году. На многих картах России вплоть до начала XX века Луганск отмечался ещё как Луганский завод. К тому же, в повести Чехов не конкретизирует время описываемых событий, можно сделать вывод, что события происходят до 1882 года. Свидетельством знакомства А. П. Чехова с Луганском является также то, что один из персонажей повести «Степь»: «Пятнадцать лет был в певчих, во всём Луганском заводе, может, ни у кого такого голоса не было...» Поэтому можно сделать вывод, что в уезде и за его пределами певчий хор Луганска был знаменит.

Впрочем, не следует думать, что Чехову увиденные южные городки понравились. В его письмах мы найдём очень нелицеприятные (и с тем – правдивые) характеристики Таганрога, Славянска, Краматоровки (сейчас – Краматорск). В письме сестре М. П. Чеховой Антон Павлович рисует схему Донецкой железной дороги и даёт пояснение: «Центральный шарик – это ст. Дебальцево. Остальные шарики – это всяческие Бахмуты, Изюмы, Лисичански, Лугански и прочие пакости...»

Находясь в Рагозиной Балке, Чехов пятого мая пишет письмо писателю Николаю Лейкину, из которого и взята знаменитая чеховская фраза-характеристика Донецкого края: «Жил я последнее время в Донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого края: горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь...» Весенние степные просторы, порезанные глубокими лесистыми балками, обилие солнца и тепла, от которого Чехов отвык в Москве.

Вечером пятого мая Антон Чехов уезжает из Рагозиной Балки в Святые Горы (ныне Святогорск Донецкой Народной Республики). В общей сложности, писатель провел в Рагозиной Балке около недели, наполненной впечатлениями степного юга России. Впечатления впитывались, осмысливались, им нужно было время, чтобы выкристаллизироваться в художественные образы, по-чеховски ёмкие. Уезжая из Рагозиной Балки, писатель написал своей сестре М. П. Чеховой: «Напоэтился я по самое горло: на 5 лет хватит».

17 мая А. П. Чехов вернулся в Москву. Семейная и литературная жизнь захватывает писателя, Чехов напряженно работает. Южные впечатления находят отображение в рассказе «Счастье», опубликованном 6 июня 1887 года в «Новом времени». Небольшой рассказ, наполненный южными пейзажами, был восторженно принят читателями, пленённых и красочным чеховским языком, и экзотичностью. Брат писателя Ал. П. Чехов так описывал популярность рассказа в Санкт-Петербурге: «Ну, друже, наделал ты шуму своим последним «степным» субботником. Вещица – прелесть. О ней только и говорят. Похвалы – самые ожесточенные. Доктора возят больным истрёпанный № как успокаивающее средство... Хвалят тебя за то, что в рассказе нет темы, а тем не менее он производит сильное впечатление. Солнечные лучи, которые у тебя скользят при восходе солнца по земле и по листьям травы, вызывают потоки восторга, а спящие овцы нанесены на бумагу так чудодейственно картинно и живо, что я уверен, что ты сам был бараном, когда испытывал и описывал все эти овечьи чувства. Поздравляю тебя с успехом».

Но настоящая широта степи, широта русского человека на этом просторе, требовали большей формы, нежели рассказ. 1 января 1888 года Чехов принимается за повесть для «толстого» литературного журнала, повесть, которая могла бы охватить, всецело передать южное величие степи. Повесть, которая стала бы достойной для дебюта в серьезной литературе. Здесь писатель столкнулся с трудностями, поскольку практически не имел опыта написания крупной прозы. В письме В. Г. Короленко от 9 января 1888 года Чехов делится своими тревогами: «С Вашего дружеского совета я начал маленькую повестушку для «Северного вестника». Для почина взялся описать степь, степных людей и то, что я пережил в степи. Тема хорошая, пишется весело, но, к несчастью, от непривычки писать длинно, от страха написать лишнее я впадаю в крайность: каждая страница выходит компактной, как маленький рассказ, картины громоздятся, теснятся и, заслоня друг друга, губят общее впечатле-

ние. В результате получается не картина, в которой все частности, как звёзды на небе, слились в одно общее, а конспект, сухой перечень впечатлений». Подобным беспокойством о трудностях написания крупной вещи, Чехов делится и в письме Д. В. Григоровичу 12 января, в этом же письме Чехов называет свою повесть «Степь».

Над повестью «Степь» А. П. Чехов работал немногим более месяца, уже 3 февраля отправил рукопись в «Северный вестник». В этой повести Антону Павловичу Чехову удалось изобразить и степь, и степных людей, и передать свои степные впечатления. Сотрудник редакции «Северного вестника» А. Н. Плещеев так отозвался о повести, ещё до выхода «Степи» в журнале: «Прочитал я её с жадностью. Не мог оторваться, начавши читать... Это такая прелесть, такая бездна поэзии, что я ничего другого сказать Вам не могу... Что за бесподобные описания природы, что за рельефные, симпатичные фигуры...» Чеховская повесть увидела свет в мартовском номере «Северного вестника» и степные просторы зазвучали в русской литературе, как до этого они звучали лишь у Гоголя.

Степная тема, луганская земля, в творчестве Чехова прозвучат ещё в 1897 году, через десять лет после южной поездки. Осенью 1897 года А. П. Чехов отдыхал в Ницце. Здесь, вдали от русских пространств, писатель пишет рассказы «В родном углу» и «Печенег», которые опять возвращают нас в северную часть Таганрогского округа. В рассказе «Печенег» упоминается станция Донецкой железной дороги Провалье, близ которой живёт казачий офицер Жмухин. В описании дома персонажа «Печенег» Ивана Абрамыча Жмухина, прозванного за дикость мировоззрения «печенегом», угадывается дом Гавриила Павловича Кравцова. Но, впрочем, не следует думать, что Г. П. Кравцов был прототипом Жмухина – скорее, Чехов художественно преобразовал и описываемое пространство, и действующих лиц. В «Печенеге» писатель ставит проблему глубокого культурного отставания казачьего офицерства. Я. Я. Полферов приводит следующее высказывание Чехова о казаках Донского края: «Мне больно было видеть, что такой простор, где все условия созданы, казалось, для широкой культурной жизни, положительно окутан невежеством и притом невежеством, исходящим из правящей офицерской среды... Будь офицер... образованнее, культурнее духовно, я уверен, что не было бы такого невежества и «печенег» все бы перевелись». Не правда ли, очень современно звучит?

Пребывание А. П. Чехова в Донбассе было не продолжительным, но великий русский писатель вынес из поездки по югу живые, яркие впечатления. И по истечении более 120 лет мы, вчитываясь в строки «Степи», «Счастья», «Печенег», видим живых обитателей Луганщины XIX века, оживлённых мастерством Чехова-художника. И всё так же раскинулась степь, всё так же шумят над ней грозы, всё так же ищет на ней своего счастья человек.

Луганский парижанин Владимир Смоленский

Имя этого известного эмигрантского поэта почти неизвестно на его донбасской родине. Оно вернулось в Россию, там издаются его книги, а стихи – включаются в многочисленные антологии литературы русского зарубежья.

Кто же он, Владимир Смоленский?

Уездный город

Навряд ли современный луганчанин может себе представить еще тот, старый, Луганск. Нищий, вдавленный в степь городок, пыжившийся и жавшийся от зноя к реке. Немногочисленные многоэтажные здания, огромная базарная площадь, Никола Златые главы на Романовской.

Четырехэтажный дом Васнёва казался нелепым Гулливером среди ничтожно бедных, придавленных домиков-лилипотов... Современный луганчанин уже никогда не увидит в перспективе Казанской улицы (ныне – ул. Карла Маркса) величественный и суровый облик Казанского собора, снесенного в 30-е годы.

Что думал о нем, родном Луганске, юный Володя Смоленский, сын полковника жандармерии, «начальника Луганского отделения Екатеринославского жандармского полицейского управления железных дорог»? Помнил ли о нем в эмиграции? Наверное, этот вопрос не так был важен для зрелого Смоленского: уж слишком юным покинул родной город, да и для потомственного донского казака, каким он являлся, куда памятнее был Великий Дон. «... Родился 24 июля [6 августа по новому стилю – А.Ч.] 1901 года в имении моего отца на Дону», – сообщал впоследствии Владимир Смоленский Зинаиде Шаховской.

*А у нас на Дону
Ветер гонит волну
Из глубин голубых в вышину,
И срываясь с высот,
Он над степью плывет,
И тогда степь как лира поет.*

Имение Смоленских находилось под Луганском (в двадцати верстах от города), именно там рос хрупкий тонорукий юноша-брюнет, которого в детстве близкие называли Коша. Неизвестно, как бы сложилась жизнь молодого дворянина Смоленского, однако едва Володе исполнилось 16 лет, Россию поглотила безжалостная стихия, имя которой – Революция.

Отец Смоленского был схвачен большевиками в своем имении и тут же, на глазах заплаканного сына – расстрелян.

*Солдат ребёнка хлещет по лицу,
А у ребёнка щечка золотая.
Забудь, забудь... Но как забудешь ты
Увиденное этими глазами, —
Небесный луч, срываясь с высоты,
Земными преломляется слезами.*

**«И Ангел плакал над мёртвым ангелом...
– Мы уходили за море с Врангелем»**

Известный русский эмигрантский прозаик Гайто Газданов в романе «Вечер у Клэр» приводит интересный диалог (кстати, носящий автобиографический характер) между дядей и племянником, который в 15-летнем возрасте собирается уйти в Добровольческую армию. Дядя убеждает племянника, что у Белой гвардии нет поддержки народа, а значит, она неизбежно проиграет. Племянник соглашается. И прибавляет: именно потому, что проиграет и иду.

Думаю, что Смоленский, как и многие-многие тысячи, также это понимал. Но всё же: брали оружие и шли на смерть, смерть и неся. Бессмысленное братоубийство... Кровавая мельница Гражданской войны уносила жизни сотен тысяч дочерей и сынов Отечества. За что боролись? За идеалы? За чье-то богатство? За царя? Кажется, в этом Судном дне России не было истины иной, нежели собственная жизнь.

Для Владимира Смоленского не могло быть примирения с новой властью: ни в Гражданскую войну, ни после, в эмиграции, когда так активно работал Союз возвращения на Родину. Расстрел отца навсегда перечеркнул возможность примирения.

С большевиками был народ. Именно потому провалился Ледовый поход на Москву, рухнули марионеточные «царства» и «республики», поддерживаемые Антантой. Трагедия Ипатьевского дома лишила Белую гвардию одного из важнейших символов борьбы – царя и наследника престола. Наверное, самые пронзительные строчки о царской фамилии написал Георгий Иванов:

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.*

Но всё же... Долгие годы обескровливающего Россию противостояния.

Но исход был предрешен. Последний бастион – Крым пал в 1920 году. С остатками армии барона Врангеля Смоленский покидает Россию. Навсегда.

Великий исход... Сотни тысяч детей России рассеялись по всему миру (иные исследователи считают, что Россию в первую волну эмиграции покинуло до 2 миллионов человек).

Чаще бежали в Европу: в бывшие российские провинции Финляндию, Польшу, страны Прибалтики. Достаточно радушно встречали русских эмигрантов славянские государства: Болгария, Чехия, Югославия. У кого было побольше денег – ехали в Германию, Берлин до 30-х годов был сильным эмигрантским центром; либо во Францию, в столицу мира Париж. У кого же не было денег, как, например, у обыкновенных солдат и офицеров Белой гвардии, оставивших в России всё, кроме собственного достоинства, – тех принимали в лагеря беженцев страны члены Антанты. В один из таких лагерей, находящийся во французской колонии Тунисе, попал и Владимир Смоленский.

О двух годах, проведенных Смоленским в лагере в Тунисе, почти ничего не известно, кроме, пожалуй, того, что именно в Тунисе он начал писать стихи. В 1923 году Владимир Смоленский переезжает в Париж – город, который станет ему родным.

Русский Монпарнас

Междувойенный (1919–1939) Париж претендовал на роль столицы русской эмигрантской литературы. В этом городе вели активную деятельность многочисленные русские писательские организации, издавались русские газеты и журналы, в том числе и литературные. Любопытен следующий факт, приводимый эмигрантским критиком Марком Алдановым: «Согласно произведенному в 1925 году подсчету, за границей существовало 364 периодических издания на русском языке...» Да, эмиграция была целым миром, Россией в изгнании. Пускай многие газеты и журналы эмиграции выходили не продолжительное время (иногда 2–3 номера), однако литературная жизнь эмиграции была чрезвычайно обширной. И в значительной степени она концентрировалась именно в Париже. Здесь жили Куприн, Бунин, Мережковский, Гиппиус, Адамович, Ходасевич, Саша Черный и многие другие литераторы, заполучившие признание ещё в России. И здесь же – молодые писатели, оторванные, как и Смоленский, от Родины еще в юности, но также стремящиеся сказать своё слово в литературе: Юрий Терапиано, Николай Туроверов, Борис Поплавский, Гайто Газданов и многие, многие другие...

В своей массе эмиграция представляла собой дворянство и интеллигенцию, как правило, с достаточно высоким уровнем образования. Правда, приходилось бывшим адвокатам, врачам, инженерам и филологам очень нелегко: на иную работу, нежели тяжелую физическую, им было трудно устроиться. Это хорошо, если они успели получить образование в России, те же, кто приехал без образования, как Смоленский, были вынуждены работать где попало. Владимир Смоленский работал на металлургических и автомобильных заводах, после ему удалось получить стипендию и окончить в Париже русскую гимназию. Затем учился в Сорбонне и коммерческой академии, работал бухгалтером. На протяжении всей жизни, неся материальные лишения, ощущая весь неуют эмиграции, Смоленский не оставлял поэзии.

Естественно, что «молодая поросль эмиграции» стремилась в литературу, ей было что сказать и выразить: тягучую тоску по Родине, безысходность своего существования, ненужность ни своей жизни, ни творчества здесь, во Франции. Не зря литературный критик Владимир Варшавский назвал это поколение русских писателей эмиграции «незамеченным поколением»: хоть и была эмигрантская литература, но не было эмигрантского читателя. Однако, как писал Александр Блок: «Мы умираем, а искусство остается». Эмигрантская литература вернулась на свою Родину и стала неразрывной частью великой русской литературы.

Казалось, какая ещё может быть литература, когда нужно просто выжить? Зачем писать и издавать стихи и прозу? К чему? Ведь «ни денег, ни славы»? Однако это была их жизнь. Нет, они уходили из реальности не в литературу. Они уходили в Россию, их Россию, живую только в воспоминаниях. Уходили стихами и прозой.

После трудового дня, усталые, но полные неутолимой жажды творчества, они – молодые и не очень, опытные и совсем зеленые, собирались где-нибудь на Монпарнасе или в районе Латинского квартала, шли в дешевенькое кафе – «Селекту» или «Ле Болле». У многих денег хватало лишь на «аскетическую» чашку кофе, а иные не имели даже угла, где бы могли переночевать. Однако они собирались – монархисты и демократы, сменовеховцы и эсеры – и всю ночь проводили вместе, жадно прильнув всем своим естеством к Русскому Слову. Может быть, в минуты таких собраний они забывали, что находятся за многие-многие километры от Родины? «В Париже ночи сырые, темные, розовеет мглистое зарево на непроглядном небе, Сена течет под мостами черной смолой, но под ними тоже висят струистые столбы отражений от фонарей на мостах, только они трехцветные: белое, синее и крас-

ное – русские национальные флаги...». Пожалуй, Ивану Бунину невероятно емко удалось передать ностальгические ощущения русского эмигранта в Париже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.